

Островский Александр Николаевич

Ч 1823 - 1886

Мир Островского - не наш мир, и до известной степени мы, люди другой культуры, посещаем его как чужестранцы... Чуждая и непонятная жизнь, которая там происходит, ...может быть любопытной для нас, как все невиданное и неслыханное; но сама по себе неинтересна та человеческая разновидность, которую облюбовал себе Островский. Он дал некоторое отражение известной среды, определенных кварталов русского города; но он не поднялся над уровнем специфического быта, и человека заслонил для него купец

*Юлий
Айзенвальд*

"Колумб Замос

Александр Николаевич Островский родился 31 марта (12 апреля) 1823 года в Замоскворечье, в самом центре Москвы, в колыбели славной российской истории, о которой вокруг говорило все, даже названия замоскворецких улиц

Замоскворечье **в**
представлении **Островского** **не**
ограничивалось **Камер-**
коллежским **валом.** **За** **ним** **от**
московских **застав** **вплоть** **до**
Волги **шли** **фабричные** **села,**
посады, **города** **и** **составляли**
продолжение **Москвы** **-** **самую**
бойкую, **самую** **промышленную**
местность **Великороссии.** **Там**
на **глазах** **из** **сел** **возникали**
города, **а** **из** **крестьян** **богатые**
фабриканты. **Там** **бывшие**
крепостные **превращались** **в**

Там простые ткачи в 15-20 лет успевали сделаться фабрикантами-хозяевами и начинали ездить в каретах. Все это пространство в 60 тысяч с лишком квадратных верст и составляло как бы продолжение Москвы и тяготело к ней. Москва была городом вечно обновляющимся, вечно юным. Через Москву волнами вливалась в Россию народная сила. Все, что сильно умом и талантом, все, что сбросило лапти и зипун,

Купец интересовал Островского не только как представитель торгового сословия, но и как центральная русская натура, средоточие народной жизни в ее росте и становлении, в ее движущемся, драматическом существе. Сам отец Островского, Николай Федорович, не был коренным москвичом.

Сын костромского священника, выпускник провинциальной Костромской семинарии, он окончил Московскую духовную академию со степенью кандидата, но выбрал поприще светской службы. Он женился на Любви Ивановне Саввиной, дочери московской просвирни, вдовы пономаря, девушке большой душевной красоты и

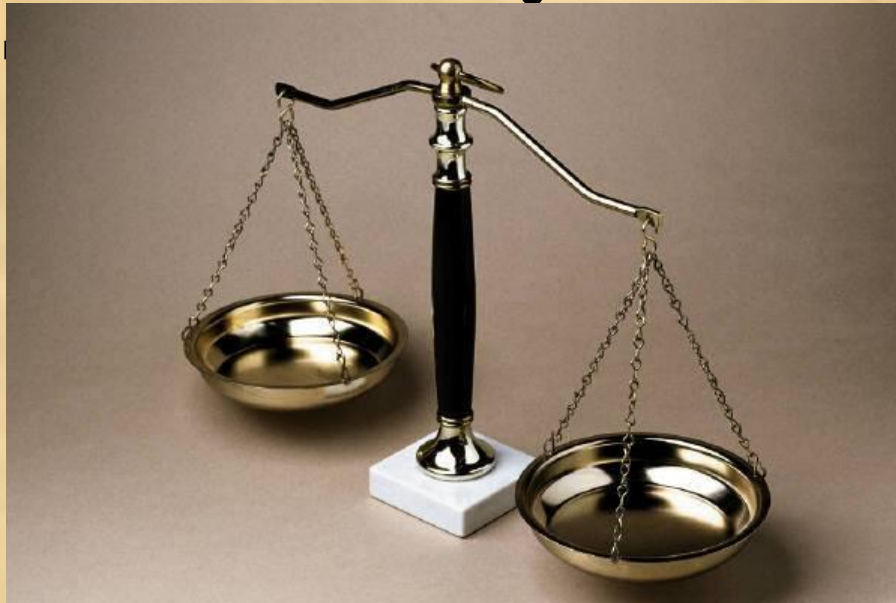

Островский окончил Первую московскую гимназию и в 1840 году, по желанию отца, поступил на юридический факультет Московского университета. Но учеба в университете не пришлась ему по душе, возник конфликт с одним из профессоров, и в конце второго курса Островский уволился "по домашним обстоятельствам".

В 1843 году отец определил его на службу в Московский совестный суд. Для будущего драматурга это был неожиданный подарок судьбы. В суде рассматривались жалобы отцов на непутевых сыновей, имущественные и другие домашние споры.

Судья глубоко вникал в дело, внимательно выслушивал спорящие стороны, а писец Островский вел записи дел. Истцы и ответчики в ходе следствия выговаривали такое, что обычно прячется и скрывается от посторонних глаз. Это была настоящая школа познания драматических сторон купеческой жизни. В 1845 году Островский перешел в Московский коммерческий суд канцелярским чиновником стола "для

Здесь он сталкивался с промышлявшими торговлей крестьянами, городскими мещанами, купцами, мелким дворянством. Судили "по совести" братьев и сестер, спорящих о наследстве, несостоятельных должников. Перед ним раскрывался целый мир драматических конфликтов, звучало все разноголосое богатство живого великорусского языка. Приходилось угадывать характер человека по его речевому складу, по особенностям интонации. Воспитывался и оттачивался талант будущего "реалиста-слуховика", как называл себя Островский-драматург, мастер речевой

Начало творческого пути

Еще с гимназических лет Островский становится завзятым московским театралом. Он посещает Петровский (ныне Большой) и Малый театры, восхищается игрой Щепкина и Мочалова, читает статьи В. Г. Белинского о литературе и театре.

В конце 40-х годов Островский пробует свои силы на писательском, драматургическом поприще и публикует в "Московском городском листке" за 1847 год "Сцены из комедии "Несостоятельный должник", "Картину семейного счастья" и очерк "Записки замоскворецкого жителя".

Литературную известность Островскому приносит комедия "Банкрот", над которой он работает в 1846-1849 годах и публикует в 1850 году в журнале "Москвитянин" под измененным заглавием - "Свои люди - сочтемся!"

"Свои люди -

сочинение!"

**"Я считаю, на Руси
три трагедии:
"Недоросль", "Горе
от ума", "Ревизор".
На "Банкроте" я
ставлю номер
четвертый".**

В. Ф.

Одоевский

**Пьеса имела шумный успех в литературных
кругах Москвы и Петербурга.**

"Свои люди - сочтемся!"

Пьесу Островского ставили в ряд гоголевских произведений и называли купеческими "Мертвыми душами". Влияние гоголевской традиции в "Своих людях..." действительно

"Свои люди -

!"

Самсон Силыч Большов занимает большой капитал у своих братьев-купцов и, поскольку возвращать долги ему не хочется, объявляет себя обанкротившимся человеком, несостоятельным должником. Свое состояние он переводит на имя приказчика Лазаря Подхалюзина, а для крепости мошеннической сделки отдает за него замуж свою

"Свои люди -

Большова сажают в долговую тюрьму, но он не унывает, поскольку верит, что Лазарь внесет для его освобождения небольшую сумму от полученного капитала. Однако он ошибается: "свой человек" Лазарь и родная дочь Липочка не дают отцу ни копейки.

"Свои люди - сочте"

Липочка, мечтающая о женихе "из благородных": "Ничего и потолще, был бы собою не мал. Конечно, лучше уж рослого, чем какого-нибудь мухортика. И пуще всего, Устинья Наумовна, чтоб не курносого, непременно чтобы был бы брюнет; ну, понятное дело, чтоб и одет был по-журнальному..."

"Свои люди -

считаемся!"

В пьесе Островского сталкиваются два купеческих поколения: "отцы" в лице Большова и "дети" в лице Липочки и Лазаря. Различие между ними сказывается даже в "говорящих" именах и фамилиях. Большов - от крестьянского "большак", глава семьи, и это очень знаменательно. Большов - купец первого поколения, мужик в недалеком прошлом. Сваха Устинья Наумовна так говорит о семействе Большовых: "А они-то разве благородные? То-то и беда,

"Свои люди -

считаемся! Разбогатев, Большов
порастратил народный
нравственный "капитал",
доставшийся ему по наследству.
Став купцом, он готов на любую
подлость и мошенничество по
отношению к чужим людям. Он
усвоил торгашеско-купеческое "не
обманешь - не продашь". Но кое-
что из прежних нравственных
устоев в нем еще теплится.
Большов еще верит в
искренность семейных

"Свои люди - сочтут"

Но то, что живо в купцах старшего поколения, совершенно не властно над детьми. На смену самодурам большовым идут самодуры подхалюзины. Для них уже ничто не свято, они с легким сердцем растопчут последнее прибежище нравственности - крепость

"Свои люди - сочтемся!"

Большов - мошенник, и Подхалюзин - мошенник, но выходит у Островского, что мошенник мошеннику рознь. В Большове еще есть наивная, простодушная вера в "своих людей", в Подхалюзине осталась лишь изворотливость и гибкость прощелыги-дельца. Большов наивнее, но крупнее. Подхалюзин умнее, но мельче, эгоистичнее.

"Свои люди -
сочтемся!"

"Свои люди -
сочтемся!"

